

Любомиров Павел Григорьевич

**Очерк истории
Нижегородского ополчения
1611-1613 гг**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
П12

П12 **Павел Григорьевич Л.**
Очерк истории Нижегородского ополчения 1611-1613 гг / Любомиров Павел
Григорьевич – М.: Книга по Требованию, 2022. – 343 с.

ISBN 978-5-519-94447-2

ISBN 978-5-519-94447-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Глава I

НИЖНИЙ-НОВГОРОД И НИЖЕГОРОДСКИЙ УЕЗД В НАЧАЛЕ XVII в.

Нижегородским называется второе земское ополчение, приведенное к окончанию «Смутные времена» по месту своего возникновения. И прежде чем приступить к изложению истории этого ополчения, необходимо остановиться на состоянии Нижнего перед его выступлением в качестве активного деятеля «Смутного времени» и на его роли в событиях Смуты до создания им второго земского ополчения. Этот обзор поможет нам уяснить себе некоторые обстоятельства и в интересующей нас истории самого ополчения. К сожалению, документальных данных о Нижнем и его уезде за конец XVI и начало XVII в. (до 1606 г.) почти нет, по крайней мере, опубликовано очень мало, и их тогдашнее состояние приходится восстанавливать, преимущественно исходя из материалов более позднего времени.

В начале XVII в. Нижний-Новгород (нынешний Горький) был одним из крупнейших городов Московского государства. Возникнув как крепость-форпост Суздальской Руси на ее восточной границе и послужив потом опорным пунктом колонизации, направлявшейся в Приволжский край, Нижний во второй половине XVI в., после покорения Казани и с построением ряда крепостей, глубже проникавших в татарские, мордовские, черемисские и чувашские места, постепенно утрачивал свое военное значение. В начале XVII в. это был город невоенного типа. Он имел, правда, довольно большой и достаточно вооруженный крепкий «каменный город», верхний и нижний посады его были защищены деревянными острогами с башнями и рвом¹, но гарнизон его был невелик сравнительно с посадским населением.

В начале 1614 г. в Нижнем стоял один «приказ» — 500 человек стрельцов, из которых 400 в скором времени должны были отправиться в поход против Заруцкого. Это количество было постоянным для Нижнего и в последующие годы. Относительно предыдущих имеем одно указание нижегородской грамоты, что в феврале 1611 г. из Нижнего послали под Москву между прочим «голову стрелецкого

¹ Описание укреплений Нижнего в писцов. книге 1620—1622 гг. — Русск. Ист. Библ. (в дальнейшем цитируется РИБ), т. XVII, стр. 5—16.

(начальника приказа) с его приказом»¹, по обстоятельствам времени едва ли имевшим полный состав стрельцов. Это указание заставляет думать, что правительство царя Михаила не создавало новой нормы стрельцов в Нижнем, а оставило старую, лишь доведя пострадавший в боях последних лет «приказ» до его нормального состава. Царь Василий в свое наполненное смутами царствование и занятый другим Самозванец за 11 месяцев правления вряд ли уделяли внимание количеству стрельцов в Нижнем. Более вероятным кажется предположение, что те же 500 стрельцов были в Нижнем и в начале XVII в.

В тот же поход на Заруцкого из Нижнего были отправлены 200 человек «иноземцов, литвы и немец» — весь паличный в 1614 г. состав этой второй группы служилых людей Нижнего. Служилые иноземцы в Нижнем появились уже давно: «немец» присылал сюда царь Иван еще в 60-х годах, в эпоху царя Федора «немчины» и литва довольно часто встречаются в документах, служилых иноземцев постоянно называют нижегородские грамоты Смутного времени, писцовая книга 1620—1622 гг. говорит уже о «старой немецкой слободе» в Нижнем. Иноземцы делились на «кормовых», живших в городе и получавших, как и стрельцы, государево денежное и хлебное жалованье, и на «поместных», наделенных подобно детям боярским землей в уезде. Сопоставление данных небольшого списка нижегородских иноземцев, остававшихся в Астрахани после похода на Заруцкого еще в 1616 г., и книги дозора поместных и вотчинных земель Нижегородского уезда 1613 г. обнаруживает, что против Заруцкого были посланы и кормовые и поместные иноземцы. Последних по книге дозора можно насчитать 36 человек, значит кормовых в 1614 г. в Нижнем было 164 человека. Смута, начиная с царя Василия, сильно сократила, если не совсем прекратила, приток новых иноземцев на службу в Московское государство и, следовательно, приток их в Нижний. С другой стороны, участие во многих походах за эти годы должно было несколько уменьшить их количество: так, из 17 иноземцев, известных по платежнице 7116 г. (правда, при ее устарелых в отношении лиц данных), только 6 или 7 значатся и в книге дозора 1613 г. Кроме того, за эти годы некоторые из кормовых иноземцев могли превратиться в поместных, по крайней мере, даже по далеко не полным данным платежницы 7120 г., в уезде два новых поместных иноземца по сравнению с 7116 г.² Таким образом, в начале XVII в.

¹ О 1614 г. пополняющие друг друга данные Актов исторических (в дальнейшем цитируются АИ), т. III, № 251, III, и Памятников дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией, т. II, стр. 234—235 (изд. Н. И. Веселовским в Трудах Восточн. отд. Имп. р. археолог. общ., т. XXI, СПб. 1891); позднейшие данные в платежницах 7128 и 7129 гг., изд. Нижегород. архивной ком. в ее «Действиях» — Сборник, т. VII и VIII, стр. 497—498 и 331, и Сметном списке 140-го года, изд. Е. Сташевским в Военно-историч. вестн. 1910 г., № 9—10, стр. 83; о 1611 г. — Акты Археографической экспедиции (в дальнейшем цитируется ААЭ), т. II, № 175 (то же в Собр. гос. грам. и дог., в дальнейшем цитируется СГГр и Д., т. II, № 236); о количестве стрельцов в полном приказе см. ААЭ, т. II, № 188, II (то же в СГГр и Д., т. II, № 241) и Изборник А. Попова, М. 1869, стр. 360 и 361.

² О походе на Заруцкого данные указаны в предыдущ. прим.; об иноземцах в XVI в. — ПСРЛ, т. XIII, 2, стр. 397, и Арх. Мин. юст., Поместн. пр.,

кормовых иноземцев было, вероятно, несколько больше в нижегородском гарнизоне, чем в 1614 г., может быть, около 200 человек.

Некоторые грамоты Смутного времени 1608—1611 гг. указывают на присутствие в Нижнем казаков. Но это могли быть, с одной стороны, казаки из отряда Шереметева, ибо упоминания казаков в грамотах начинаются после того, как в Нижний проник посланный Шереметевым отряд, заключавший в себе между прочим казаков, между тем как предшествующая грамота с перечнем «чинов» не называет казаков, а с другой — «вольные охочие новоприборные казаки», как их называет нижегородская грамота, т. е. набранные из добровольцев, очевидно, по недостатку служилых людей. И при всем том грамота Пожарского из Нижнего на Вологду — в декабре 1611 г. — уже не упоминает казаков в своем очень подробном перечне «чинов»¹. Все это и позволяет думать, что нижегородские казаки Смутного времени были временным элементом служилых людей Нижнего, а потому предполагать их присутствие в нем и до Смуты едва ли возможно.

В состав нижегородского гарнизона входили еще необходимые в крепости пушкарки, воротники, затыпники и казенные кузнецы. По писцовой книге 1620—1622 гг. их можно насчитать около полусотни. «Сметной список 140-го году» указывает 47². Приблизительно столько же нужно предполагать их и в начале XVII в.

ст. 21067, док. 1, 39, 44, 51 и др., там же Откавные книги по Нижнему, общ. № 7577 (частн. № 3), док. 3 и др.; первые упом. в грамотах Смутн. вр. — АИ, т. II, № 107, 113; писц. книга, указ. изд., ст. 174. Список иноземцев 1616 г. в цитир. Памяти. диплом. и торг. снош. с Персией, т. III (Труды Вост. отд. И. р. археол. общ., т. XXII), стр. 91—92; книга дозора 1613 г. напечатана Ниж. арх. ком. в ее Сборнике, тт. V—VII, к сожалению, без указателей; список владельцев, составленный к ней А. Я. Сидовским (прилож. 1 к докладу «К материалам по исследованию Нижегород. у. в Смутн. время и вскоре после него (1613—1629 гг.)» в Трудах Ярославск. областн. съезда, М. 1902, стр. 27—65), не без ошибок и пропусков; между прочим пропущены в нем и три иноземца — М. Ю. Шулгестов в Стрелищном стану и Ив. Лукомский и Тим. Ушкулев, владевшие вместе с братьями в Березопольск. стану — указ. Сборник, т. VII, стр. 639—640, и т. VI, стр. 164 и 180. Нижегородские платежники 7116 и 7120 гг., изд. С. Б. Веселовским в Чтениях Общ. ист. и древн., 1910 г., кн. III, и отд.: иноземцы легко равываются по указателю; лишь один из них, Соломанов, означен «новокрещеном». Пять нижегор. иноземцев из бывших в 1616 г. в Астрахани (Памяти. сношений с Персией, т. III, стр. 91—92), не владевших землей, судя по платежнице, в 1620 г., оказываются помещиками к 1629 г. (список при статье Сидовского); нельзя думать, что все они случайно пропущены в платежнице 7128 г.: она называет, кроме вдов, 32 иноземцев, да не упомянуты в ней два брата Морцевы, известные книге дозора 121 г. и платежнице 1629 г., а всего поместных иноземцев по десятне 1622 г. было 36 человек (Действия Нижегород. арх. ком., т. I, вып. IX, стр. 402—405).

¹ Первое упоминание казаков в декабре 1608 г. — АИ, т. II, № 113, и отсутствие его в ноябрьской грамоте — там же, № 107; отряд, посланный Шереметевым, прибыл в Нижний 1 декабря — АЭ, т. II, № 104; грамота Пожарского — там же, № 203; о датировке ее моя заметка в Журн. Мин. нар. просв. 1912 г., № 12.

² Писц. кн. в XVII т. РИБ, Сметной список в Военно-историч. вестн. 1910 г., № 9—10, стр. 82.

Дворяне и дети боярские и поместные иноземцы Нижегородского уезда вряд ли могут быть относимы к постоянному населению Нижнего-Новгорода. Далеко не все из них имели в Нижнем свои дворы, да и в них в обычное время жили не владельцы, а дворники ¹. Большинство же жило по своим поместьям и, переменяясь, несло «государеву службу» по городам, а иные в приказах.

Таким образом, по более или менее вероятным подсчетам, нижегородский гарнизон в начале XVII в. состоял приблизительно из 750 чел. стрельцов, кормовых иноземцев и крепостной прислуги.

Гораздо значительнее было посадское население Нижнего.

Выгодное географическое положение — при слиянии двух важнейших рек внутренней России, Оки и Волги — должно было сделать Нижний-Новгород крупным торговым центром. Ока связывала его с «хлебным» Рязанским краем и с помощью Москвы-реки от Коломны со столицей ². К Москве же из Нижнего ездили и сухопутьем через Муром, Владимир и Суздаль, до которых, впрочем, можно было ехать и на судах по Оке, Клязьме и Нерли ³. Волга была самой удобной дорогой из Нижнего вверх в Ярославль, от которого шел торный путь к другому крупному центру — Вологде ⁴, и вниз в Казань и Астрахань. Но на Ярославль был от Нижнего и грунтовой, главным образом зимний, путь по правому нагорному берегу Волги, переходивший на левый только из-за Костромы ⁵. Был зимний путь и до Казани, шедший большей частью несколько отступая от берега Волги на Лысково, Васильсурск, Чебоксары и Свияжск ⁶. Через Казань, а к началу XVII в. и севернее, через Яранск и Котельнич, Нижний имел сношения с Вятскою землею,

¹ По назв. писцовой книге можно насчитать всего около сотни осадных и иных дворов нижегородских дворян и детей боярских, а их с новиками и отставными в это время насчитывалось — по десяти 1622 г. (Действия Ниж. арх. ком., т. I, вып. IX, стр. 402—405) — до 350 человек. Дворов поместных иноземцев в это же время в Нижнем было около десятка, а иноземцев по той же десяти — 36 человек.

² Этим речным путем обычно ездили «кизилбашиские» послы, гонцы и «купчины», посольства «Иверские земли» и др., а также и русские послы в Персию, Грузию и другие восточные страны. См., например, Памятн. диплом. и торг. снош. Моск. Руси с Персиею, т. I (в XX вып. Трудов Вост. отд. Имп. русск. археол. общ.), стр. 8, 149—150, 203, 214 и др.; Сношения России с Кавказом, материалы, изд. С. А. Белокуровым в Чтен. Общ. ист. и древн., 1888 г., кн. III, стр. 17, 62, 237 и др.

³ Только что цит. Памятники, т. II (XXI вып. Трудов), стр. 6, 315, 317; Снош. России с Кавказом, стр. 372; ААЭ, т. I, № 314; АИ, т. II, № 131; РИБ, т. XXVIII, ст. 264, 266. Ср. П. Мельников, Нижний-Новгород и нижегородцы в Смутное время (Отч. зап., 1843 г., т. XXIX).

⁴ Н. И. Костомаров, Очерк торговли Моск. госуд., 1889 г., стр. 92—93; С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты в Моск. госуд. XVI—XVII вв., изд. 2-е, СПб. 1901, стр. 21—22.

⁵ Этим путем шел Пожарский в 1612 г.; им же иногда везли персидских послов — цит. Памятники диплом. снош., т. I, стр. 112—114, 179—180, 287—288; в случаях спешности предписывали ехать, «не займывая Костромы», — те же Памятники, т. III, стр. 396.

⁶ Им ехал, например, Биркин в декабре 1611 г., заезжавший еще в Мурашкино — Курмышские акты в 1 вып. Летописи занятий Археограф. ком., № 3 и 8. См. также Сборник кн. Хилкова, № 12, XXVI и АИ, т. II, № 145.

с Пермью Великою и с далекой Сибирью ¹. Со всех сторон на судах и подводах в Нижний и чрез него везли различные товары тогдашней торговли: из Рязанского края и других приокских мест хлеб, из Москвы и Ярославля западноевропейские товары, из них же и других городов — западных по отношению к Нижнему — различные русские изделия, например, из дерева, из кожи; из Казани и, главным образом, из Астрахани бухарские, персидские и индийские (через Персию) товары, из Астрахани же соль, рыбу и икру, из Вятки, Перми и Сибири дорогие меха, из Перми и соль ². Таким образом, в начале XVII в. Нижний стал одним из крупнейших перелаточных пунктов тогдашней торговли, пунктом, в котором по самому его положению должны были очень часто производиться еще нагрузка и разгрузка судов и перегрузка с одних на другие иной емкости и осадки.

Судить о конкретных размерах торгового движения, идшего через Нижний, по скудости источников, почти невозможно. Но факт общеизвестный — значительное развитие с конца 50-х годов XVI в. торгового обмена между Россией и Западом, особенно Англией, через Белое море, рост населения и капиталов в таких пунктах на пути от этого моря к Москве, как Холмогоры, Вологда, Ярославль и др.; совсем недавно было отмечено существование в эту же пору торгового пункта и на Мурмане — в Коле ³. Однако для Нижнего большее значение имело оживление в торговле России с юго-восточными странами, начавшееся вскоре после покорения Казани и занятия Астрахани. Уже весной 1558 г. Дженкинсон ехал вниз по Волге из Нижнего с караваном в 500 больших судов, везших между прочим и товары ⁴. Продолжавшая расти торговля немало терпела в царствование Грозного от казаков, привлеченных на Волгу именно надеждой на богатую добычу ⁵. Но при царях Федоре и Борисе, когда с постройкой Самары (1586), Царицына (1589) и Саратова (1590), как раз в местах особенно удобных для казаков выходов на Волгу, плавание по нижней Волге становилось более безопасным и когда велись оживленные дипломатические сношения с Персией, с кавказскими владетелями, с Бухарой, с Хивой ⁶, торговля с этими стра-

¹ С. Ф. Платонов, Очерки по истории Смуты, стр. 14, 84, 86.

² Н. И. Костомаров, Очерк торговли, стр. 114, 121, 48—49, 50—55, 57 и ряд других; из данных, собранных Костомаровым, я старался выбирать относящиеся к концу XVI — началу XVII вв.

³ Костомаров, Очерк торговли, особенно гл. I; С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, стр. 9—12, 21—24; о торговле с Англией еще новая работа И. Любименко, История торговых сношений России с Англией, вып. I—XVI в., Юр. 1912; между прочим, на стр. 120—125 некоторый цифровой материал о размерах английской торговли в России; о Коле — А. В. Тищенко, К истории Коль и Печенги в XVI в., Журн. Мин. нар. просв., 1913 г., № 7 (и в сборнике «А. В. Тищенко. Его работы. Статьи о нем», Петр. 1916).

⁴ «Известия англичан о России во второй пол. XVI в.» в Чтен. Общ. ист. и древн., 1884 г., кн. IV, стр. 36.

⁵ И. Любименко, цит. соч., стр. 97; Сборн. Имп. русск. ист. общ., т. 38, стр. 119; цит. Сношения с Кавказом, стр. LXXXVIII, XCIV, прим. 131.

⁶ Кроме известий Нового Летописца — ПСРЛ, т. XIV, ч. I, стр. 43, 46—48, 56; о сношениях с Персией цит. Памятники, т. I и II, а также Разр. записи за Смутное время, изд. С. А. Белокуровым в Чтен. Общ. ист. и древн.,

нами должна была особенно развиться. Любопытно, что возобновление сношений с восточными странами состоялось по инициативе русского правительства, имевшего в виду во всяком случае и торговые интересы. Вероятно, в 1685 г. астраханским воеводам было велено «писать от себя в Шевкалы и в Грузи и в Кизылбаши, чтоб торговые люди с товары ездили в Астрахань, приезд и отъезд и торг в Астрахани поволен». Известно, что именно с толмачом Даниловым, посланным из Астрахани «проведывать дороги» в Грузию и «земли Грузинские — какова земля», прибыло в Россию посольство от кахетинского князя Александра; может быть, в связи с посолькой из Астрахани стоит и приезд в 1688 г. посланника от «Худабендешаха»¹. Торговые интересы постоянно заметны в пересылках с шахом, в грамоте которому, например, от 1692 г., писалось: «дорогу твоим людям в наши государства отворяем и поволной торг во всем им давати велели», и другими восточными владетелями; сказались они и в наказе воеводам новопостроенного города на Тереке, с которых, очевидно, требуют и отчета о приездах торговых людей, так как они пишут по этому вопросу в Москву². И как раз в эти годы англичане, много способствовавшие оживлению торгового движения на Волге, уже не пользовались широкими привилегиями 60-х годов: не освобождались совсем или освобождались лишь наполовину от пошлин, не имели права свободного проезда в Персию, торговлю с которой они считали для себя особенно выгодной³. Таким образом, усилившаяся торговля с означенными странами велась в эти годы в значительной мере силами русских купцов, а также приезжавшими в Россию персидскими, бухарскими и иными⁴. Для большей безопасности торговые люди пользовались проездами посольств, которым всегда давалась охрана из стрельцов, — а посольство обычно не одно проезжало Волгой вверх и вниз каждое лето, — но ездили и одни⁵.

1907 г., кн. II и III и отд., стр. 36, и Сношения России с Кавказом, стр. 420, 524; с Грузией пересылались почти ежегодно — цит. Сношения России с Кавказом; в Моск. арх. М. И. Д. хранятся хивинские дела с 1590 г.; указания на приезды бухарских послов в сохранившейся переписной книге Посольского приказа 1614 г. — в Сборнике кн. Хилкова, 1876, стр. 577—579; в работе С. В. Жуковского, Сношения с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие (Труды Общ. русск. ориент., № 2), Петр. 1915, данные за XVI и начало XVII в. очень неполные.

¹ Цит. Сношения России с Кавказом, стр. XCIV и 10; Памятники снош. с Персией, т. I, стр. 3—4.

² Памятники снош. с Персией, т. I, стр. 170; другие указания см. и раньше и после; также указ. данные о бухарск. грам.; Снош. с Кавказом, стр. 78 и 76.

³ И. Любименко, цит. работа, стр. 44—53, 125.

⁴ О значительной торговле России этого времени с Востоком и о приездах в Россию восточных купцов говорят почти все иностранцы, бывавшие тогда в России, например, Флетчер, О государстве русском, изд. Суворина, стр. 14, 51, 84—85; Описание путешествия в Москву... Варкоча (Чтения Общ. ист. и др., 1875 г., кн. IV), стр. 35; Петрей, в тех же Чтениях, 1867 г., кн. II, стр. 394, и др.; о восточных купцах еще и цит. дипломатические документы. Некоторые данные о торговле с Персией в эти годы в статье А. Я. Шаповалова в Сборнике статей студенч. истор.-этнограф. кружка, вып. VII, Киев 1915 г.

⁵ Случайные указ. в Сношениях с Кавказом, стр. 347; в Памятн. снош. с Персией, т. I, стр. 287, 305, 379 и др., т. II, стр. 57, 101, 107. Нужно еще

Некоторое представление об увеличении торгового движения по Волге в конце XVI и начале XVII в. по сравнению с эпохой Грозного дают сведения, правда, очень стрывочные и недостаточно определенные, о двух главных пунктах русско-восточной торговли ниже Нижнего, о Казани и Астрахани. В начале 60-х годов таможенные поплины Казани, Свияжска и Чебоксар давали немного более 1 500 рублей, а в 1591 г. уже из казны одной Казани можно было сразу взять 1 500 рублей¹. И эта последняя цифра, наверное, не составляет годового сбора с одной таможни для этого и тем более последующих годов. Казань вела значительную торговлю, торговать сюда приезжали, оставаясь по году и дольше, большими группами восточные купцы (в 1613 г. ехало сразу 300 бухарцев и хивинцев) и русские торговые люди разных городов². Что же касается Астрахани, то если Дженкинсону в его первое путешествие в 1558 г. торговля в ней показалась по своим «ничтожным размерам» не стоящей внимания англичан, то его соотечественник Вильям Парри, проехавший Волгой от Астрахани в конце 1599 г. (в персидском посольстве в Западную Европу), отмечал уже, что по Волге «доставляется царю (русскому, т. е., вероятно, вообще в Россию) чрезвычайно много товаров», а по мнению Маржерета, знавшего Россию начала XVII в., «Астрахань... производит очень деятельную торговлю, более, чем все прочие города русские»³.

В торговом движении, шедшем через Нижний, активное участие принимали и нижегородцы. Их суда ходили вниз по Волге до Астрахани, ездили нижегородцы с товарами или за товарами в Муром (вероятнее, через него в Москву), торговали в Казани⁴, бывали, вероятно, по торговым делам и в других городах.

иметь в виду, что Волгой же ездили и взаимные посольства некоторых западных государств и Персии, например, в 1602—1603 гг. проезжало австрийское посольство в Персию и обратно, в оба конца встречавшее в дороге персидских послов (Чтения в Общ. ист. и др., 1896, кн. II, Какаш и Тектандер), в 1599—1600 г. чрез Россию ехало персидское посольство в Западную Европу (там же, 1899, кн. IV, Вильям Парри, и 1899, кн. I, Дон-Хуан); см. также П. Пирлинг, Историч. статьи и заметки, Спб. 1913, стр. 74 (приезд в Персию кармелитов от папы в 1606 г.); Памятн. снош. с Персией, т. II, стр. 51 и 209 (217) — о послах в Литву и из Литвы. О поездках торговых людей см. в тех же диплом. докум., например, Памятн. снош. с Персией, т. II, стр. 120, 129 и др.; АИ, т. I, № 230; Изборник А. Попова, стр. 331.

¹ Данные приведены у С. М. Середонина, Сочинение Джильса Флетчера. «Of the Russe Common Wealth» как историч. источник, Спб. 1891, стр. 332.

² Частые указания в Памятн. снош. с Персией, например, т. II, стр. 7, 101, 173—174 (182 и 226 о них же) и др.; С. В. Веселовский, Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича, М. 1909, прилож. № 42, данные 7122 и 7123 гг.

³ Цит. Известия англичан о России, стр. 40—41; Парри в Чтениях Общ. ист. и древн., 1899, кн. IV, стр. 4; Маржерет в Сказаниях соврем. о Дмитрии Самозв., изд. 3-е, 1859 г., стр. 250; по словам Петра, — данные также начала XVII в. — в Астрахани восточные купцы ведут «большую торговлю» — Чтения, 1865 г., кн. IV, стр. 65.

⁴ ААЭ, т. II, № 81, II; названные Илейкой нижегородцы: Вас. Зубин, Влад. Псковитин и, повидимому, сын Ив. Боллохоненка — Мих. Ив. Балахонкин встречаются и в нижегор. платежниках 7116 и 7120 гг., стр. 39, 75, 80,

Наряду с развитием торгового движения через Нижний росла торговля и в самом Нижнем; ставшая заметной еще в первой половине XVI в.¹, она в начале XVII в. приняла довольно значительные по тому времени размеры. Этому способствовали не только благоприятные обстоятельства, отмеченные выше, но и расширявшаяся с ростом населения эксплуатация естественных богатств края. Нижегородский уезд был достаточно богат и хлебом, и рыбой, и пушным зверем, в частности бобрами, медом и воском, лесом, а вблизи. в Балахне, добывалась и соль, правда, в небольших количествах². Торговлей в Нижнем были заняты не только нижегородцы. Временю или более или менее постоянно вели в нем торговые дела и иногородние и иноземные купцы. Даже во время значительного ослабления торговли, в Смутное время, в Нижнем были (осенью 1611 г. и весной 1612 г.) и «люди» Строгановых и торговые люди Москвы и Ярославля³. Торговали в Нижнем-Новгороде со второй половины XVI в. англичане⁴; привозили сюда товары или продавали их проездом в Москву и «кизылбашские купчины», которые и сами закупали здесь кое-что на шахов обиход и, вероятно, для торговли⁵; возобновили, повидимому, поездки в Нижний и бухарские и хивинские купцы, бывавшие здесь еще в XIV в.⁶.

О торговой жизни Нижнего-Новгорода в начале XVII в. можно судить и по некоторым цифровым данным. В два опустошительных пожара, разделенных промежутком меньше года, в 7125 и в начале 7126 г., в Нижнем выгорело 725 лавок и амбаров с товарами. К сожалению, неизвестно, сколько торговых помещений уцелело от пожаров; вероятно, еще достаточное количество, раз по дозору после пожаров, несмотря на массу разбежавшихся жителей, — нижегородцы в челобитной говорили о 853 семьях посадских людей, — все-таки оказалось 594 тяглых двора⁷.

Но и одна цифра сгоревших лавок и амбаров достаточно велика. Для уяснения ее значения в условиях тогдашней действительности

190, 229, 234 и др.; *АИ*, т. II, № 113; *С. Б. Веселовский*, Семь сборов, прилож. № 42, стр. 146—147.

¹ *Костомаров*, *op. cit.*, стр. 10—11.

² О Нижегород. уезде см. ниже. В Балахне в 1618 г. было 72 варницы. *В. И. Снегинева*, Балахонское усолье (в *М* вып. Действий Нижегород. уч. арх. ком.), стр. 591—594.

³ Цитир. Нижегород. платажницы, стр. 121, 151—152; о датировке «приговора» и упомянутых в нем торговых людях см. ниже.

⁴ *Костомаров*, *op. cit.*, стр. 113—114, 22.

⁵ Частые упоминания в цит. Памяти. дипл. снош. с Персией, например, т. II, стр. 66, 79, 94 и др.

⁶ *В. А. Уляницкий*, Сношения России с Средней Азией и Индией в XVI—XVII вв. (Чтения Общ. ист. и др., 1888 г., кн. III), стр. 5—7, прим. 10; о приездах бухарских и хивинских купцов в Россию в конце XVI в. см. еще свидетельства грамоты царя Федора в Англию — *Сборн. Имп. русск. ист. общ.*, т. 38, стр. 165 и 167; *Флетчера*, О государстве Русском, стр. 14 и 51.

⁷ *С. Б. Веселовский*, Семь сборов..., прилож. № 67 и 68; второй пожар был 19 октября, а в ноябре уже посланы были дозорщики — Действ. Нижегород. уч. арх. ком., *Сборник*, т. XI, № CLXXVI, стр. 295; о дозоре см. *ол.* стр. до 319.

целишне будет привести данные по некоторым другим городам: в старом Новгороде во время пожара 1605 г. погорели «все ряды» Торговой стороны — 700 лавок, но остались еще гостинные дворы вне рядов и, вероятно, лавки были и на Софийской стороне, но мы не знаем, все ли они были «в живущем» или частью уже запустели; во Пскове в 1585—1587 гг. было свыше 1 600 действовавших торговых помещений; но, например, в Можайске в 1595—1598 гг., кроме двух гостинных дворов, было всего 434 (с пустыми, которых было 103) торговых помещений, в Коломне в 1577—1578 гг., кроме гостиного двора, около 650, из них треть пустовала, в Муроме в 1574 г. — 320 торговых помещений, из которых свыше трети пустых¹.

По данным Флетчера, Нижний, дававший казне 7 000 рублей пошлин, занимал шестое место среди городов тогдашней Руси, уступая только Ст. Руссе с 18 тыс. рублей пошлин, Москве и Пскову — с 12 тыс., Казани — с 11 тыс. и Смоленску, приписанному 8 000 рублей². В начале XVII в. казна получала с Нижнего, вероятно, значительно больше. Даже в конце Смутного времени, сильно подорванного на время торговую жизнь страны вообще и Нижнего в частности, в 1611—1612 гг., таможенной пошлины в Нижнем было собрано свыше 6½ тыс. рублей, а едва город стал оправляться от бедствий Смуты и его жизнь стала входить в обычное русло, как эти таможенные сборы превышают 12 тыс. в 1614/15 г. и достигают 17 с лишком тысяч в 1619/20 г., хотя еще «по государевым грамотам» было «имать не велено» денег «з государевы с Пермские соли и с тарханщиков и з запастных судов и з белян», которых «довелось» бы взять «1 347 р. и 4 алт. пол. 4 ден.», и свыше 1 800 рублей считалось в недоборе против прошлого года. Откупных денег с трех нижегородских кабаков с пошлинами казна получала в 1611/12 г. свыше 2 700 рублей, в 1614/15 г. уже 5 000 рублей, а в 1619/20 г. всего, «что взято в Нижнем деньгами и что в кабацких разводах и что воском дано к церквям и что кабацкого ж питья дано послам,.. собрано 9 681 рубль и 13 алт. с полуденгою», но еще в недоборе против 7127 г. считалось 804 рубля и 4 деньга. Откуп и пошлины с бань, с сусла и с квасу за те же годы возросли с 200 с лишком рублей 1611/12 г. до 350 с небольшим рублей 1619/20 г.³. Для сравнения отметим, что с Вологды, правда, гораздо сильнее, чем Нижний, и совсем недавно — осенью 1612 г. — пострадавшей, в 1614/15 г.

¹ С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, стр. 48; Н. Д. Чечулин, Города Моск. госуд., стр. 130—136, 155 прим., 159—160. Писцовая книга Пскова, которой пользовался Н. Д. Чечулин, в V т. Сборника Моск. архива Мин. юстиц., М. 1913.

² Флетчер, О государстве Русском, изд. Суворина, 1905 г., стр. 45.

³ Цитир. платежница 7120 г., стр. 150; «Приход... в Нижегородской чети всяким денежным доходам 123-го году» — РИБ, т. XXVIII, стр. 120 (тот же документ в части, касающейся Н.-Новгорода, издан дважды Нижегород. арх. ком. в ее Сборнике, т. VI, отд. III, стр. 3—8, и т. XI, № CLXXIII, стр. 288—293); цит. Нижнего-Новгорода сметный список 7128 г. — Сборник, т. VII, стр. 476—479. — О торговле Нижнего в конце XVI и начале XVII в. кое-какие разбросанные данные в статьях Д. Богородицкого, Очерк торговли Н.-Новг. за XVI и XVII вв. (Универс. известия, Киев 1912, № 7) и С. Коломенского, Торговля солью на Руси... (ibid., № 12).

предполагалось «по окладу против 122 г.» таможенной пошлины во включением и «сусляново, и квасново, и поплашново (с плах, с лесу) збору» 4 141 рубль 5 денег, с двух кабаков почти 3 350 рублей и с бани и с квасу — 23 рубля 23 алтына; в том же году в Архангельском порту, единственном тогда месте ввоза западноевропейских товаров, рассчитывали собрать «против 122 г.» 9 200 с лишком рублей, но получили менее 6½ тысяч; у Соли-Вычегодской, довольно значительного в Поморье посада, в 1611/12 г. таможня дала 486 рублей 6 алтын 2 деньги; с кабаков Арзамаса и двух сел его уезда получено откупных денег в 1614/15 г. 1 025 рублей с небольшим; с двух бань в Великом Новгороде в 1592/93 г. было сбору 161 рубль с лишком, но и то потому, что в тот год в городе было много «прибыльных» ратных людей, а в следующем году целовальники не собрали и 80 рублей ¹.

Помимо торговли посадское население Нижнего жило ремеслом, работая на удовлетворение потребностей растущего города и развивающихся судоходства и торговли. Писцовая книга 1620—1622 гг. называет больше сотни ремесел и близких к ним профессий. Наиболее значительные группы составляли плотники и кузнецы, услуги которых требовались при судостроении, и сапожники и кожевники, работавшие, может быть, и не на нижегородский только рынок ².

Конечно, развитие торговли и ремесла в Нижнем было обусловлено до известной степени ростом его населения. Но, с другой стороны, именно выгоды и удобства жизни в развивающемся и притом не попавшем в опричнину городе привлекали в Нижний население, разбегавшееся из центра государства от естественных бедствий и социального кризиса, осложненного опричниной царя Ивана ³. Одни приходили сюда временно в расчете на заработок на волжской и окской пристаях Нижнего, на шедших из него судах и т. п. ⁴.

¹ О Вологде — РИБ, т. XXVIII, стр. 129—130; разоренье ее было так велико, что из 6¼ сох старого письма по дозору 7121 г. оказалось только 1¾, сохи и лишь для платежа налогов была навалена соха. — С. Б. Веселовский, Сошное письмо, т. I, М. 1915, стр. 204. Об Архангельске — РИБ, т. XXVIII, стр. 191—192. О Соли-Вычегодской — С. Б. Веселовский, Семь сборов запросных и пятиных денег, стр. 86; характеристика Соли-Вычегодской у С. Ф. Платонова, Очерки Смуты, стр. 10. Об Арзамасе — РИБ, т. XXVIII, стр. 127. О Новгороде — в цит. работе С. М. Середонина, стр. 321, прим. 3.

² Даже платежница Смутного времени — 7120 г. — отмечает новую прибыльную кузницу (стр. 122); о судостроении в Нижнем, например, АИ, т. I, № 230. Памятники сношений с Персией, т. II, стр. 102—103; о ремесленниках Нижнего — указанный дозор 7126 г. и писцовая книга 1620—1622 гг., к которой приложен указатель «промышленных занятий населения»; поправки к нему в статье А. Дажоуича, Н.-Новгород в перв. половине XVII в. по писцовой книге (в Сборн. Нижегород. арх. ком., XII, вып. 2).

³ О запустении центра и о кризисе — С. Ф. Платонов, Очерки Смуты, гл. I, стр. 20—45 и гл. II; прямое упоминание на переселение между прочим в Нижний вследствие голода из Можайска, Волоколамска и иных городов — в Русском летописце под 7069 г., стр. 146 (Чтения Общ. ист. и древн., 1895 г., кн. III), или ПСРЛ, т. XIII, 2, стр. 332.

⁴ ААЗ, т. II, № 81, II; Памятники сношений с Персией, т. II, стр. 438—439; от «глады» из Ростовской области уходил в Нижний на два года, очевидно, на заработки, и преп. Иринарх (тогда еще Илья) — см. его житие в XIII т. РИБ, изд. 2-е, стр. 1351.